

Морис
ДРЮОН

Сильные мира сего

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Д 78

Maurice Druon
LES GRANDES FAMILLES
Copyright © 1948 by Maurice Druon
Published by arrangement with Lester Literary Agency
& Associates

Перевод с французского
Якова Лесюка, Майи Кавтарадзе, Юрия Уварова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

- © Я. З. Лесюк (наследники), перевод, 2021
- © Ю. П. Уваров (наследники), перевод, 2021
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®
- © Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2012
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-09291-4

ПРОЛОГ

Стены больничной палаты, деревянная мебель — все, вплоть до металлической кровати, было выкрашено эмалевой краской, все прекрасно мылось и сияло ослепительной белизной. Из матового тюльпана, укрепленного над изголовьем, струился электрический свет — такой же ослепительно белый и резкий; он падал на простыни, на бледную роженицу, с трудом поднимавшую веки, на колыбель, на шестерых посетителей.

— Все ваши хваленые доводы не заставят меня переменить мнение, и война тут тоже ни при чем, — произнес маркиз де Ла Моннери. — Я решительно против этой новой моды — рожать в больницах.

Маркизу было семьдесят четыре года, он доводился роженице дядей. Его лысую голову окаймлял на затылке венчик жестких белых волос, торчавших, как хохол у попугая.

— Наши матери не были такими неженками! — продолжал он. — Они рожали здоровых детей и прекрасно обходились без этих чертовых хирургов и сиделок, без снадобий, которые только отравляют организм. Они полагались на природу, и через два дня на их щеках уже расцветал румянец. А что теперь?.. Вы только взгляните на эту восковую куклу.

Он протянул сухонькую ручку к подушке, словно призывая в свидетели родственников. И тут у старика внезапно начался приступ кашля: кровь прилила

к голове, глубокие борозды на отечном лице покраснели, даже лысина стала багровой; издав трубный звук, он сплюнул в платок и вытер усы.

Сидевшая справа от кровати пожилая дама, супруга знаменитого поэта Жана де Ла Моннери и мать роженицы, повела роскошными плечами. Ей давно уже перевалило за пятьдесят; на ней был бархатный костюм гранатового цвета и шляпа с широкими полями. Не поворачивая головы, она ответила своему деверю властным тоном:

— И все же, милый Урбен, если бы вы свою жену без промедления отправили в лечебницу, она, быть может, и по сию пору была бы с вами. Об этом в свое время немало толковали.

— Ну нет, — возразил Урбен де Ла Моннери. — Вы просто повторяете чужие слова, Жюльетта, вы были слишком молоды! В лечебнице, в клинике — где угодно — несчастная Матильда все равно бы погибла, только она еще больше страдала бы от того, что умирает не в собственной постели, а на больничной койке. Верно другое: нельзя создать христианской семьи с женщиной, у которой столь узкие бедра, что она может пролезть в кольцо от салфетки.

— Не кажется ли вам, что такой разговор вряд ли уместен у постели бедняжки Жаклины? — проговорила баронесса Шудлер, маленькая седоволосая женщина с еще свежим лицом, устроившаяся слева от кровати.

Роженица слегка повернула голову и улыбнулась ей.

— Ничего, мама, ничего, — прошептала она.

Баронессу Шудлер и ее невестку связывала взаимная симпатия, как это нередко случается с людьми маленького роста.

— А вот я нахожу, что вы просто молодец, дорогая Жаклина, — продолжала баронесса Шудлер. — Родить двоих детей в течение полутора лет — это, что бы ни

говорили, не так-то легко. А ведь вы превосходно справились, и ваш малютка — просто чудо!

Маркиз де Ла Моннери что-то пробормотал себе под нос и повернулся к колыбели.

Трое мужчин восседали возле нее: все они были в темном, и у всех в галстуках красовались жемчужные булавки. Самый молодой, барон Ноэль Шудлер, управляющий Французским банком, дед новорожденного и муж маленькой женщины с седыми волосами и свежим цветом лица, был человек исполинского роста. Живот, грудь, щеки, веки — все было у него тяжелым, на всем как будто лежал отпечаток самоуверенности крупного дельца, неизменного победителя в финансовых схватках. Он носил короткую черную как смоль остроконечную бородку.

Этот грузный шестидесятилетний великан окружал подчеркнутым вниманием своего отца Зигфрида Шудлера, основателя банка «Шудлер», которого в Париже во все времена называли «барон Зигфрид»; это был высокий, худой старик с голым черепом, усеянным темными пятнами, с пышными бакенбардами, с огромным, испещренным прожилками носом и красными влажными веками. Он сидел, расставив ноги, сторбив спину, и, то и дело подзывая к себе сына, с едва заметным австрийским акцентом доверительно шептал ему на ухо какие-нибудь замечания, слышные всем окружающим.

Тут же, у колыбели, находился и другой дед новорожденного — Жан де Ла Моннери, прославленный поэт и академик. Он был двумя годами моложе своего брата Урбена и во многом походил на него, только выглядел более утонченным и желчным; лысину у него прикрывала длинная желтоватая прядь, зачесанная надо лбом; он сидел неподвижно, опершись на трость.

Жан де Ла Моннери не принимал участия в семейном споре. Он созерцал младенца — эту маленькую

теплую личинку, слепую и сморщенную: личико новорожденного величиной с кулак взрослого человека выглядывало из пеленок.

— Извечная тайна, — произнес поэт. — Тайна самая банальная и самая загадочная и единственно важная для нас.

Он в раздумье покачал головой и уронил висевший на шнурке дымчатый монокль; левый глаз поэта, теперь уже не защищенный стеклом, слегка косил.

— Было время, когда я не выносил даже вида новорожденного, — продолжал он. — Меня просто мучило. Слепое создание без малейшего проблеска мысли... Крохотные ручки и ножки со студенистыми косточками... Повинуясь какому-то таинственному закону, клетки в один прекрасный день прекращают свой рост... Почему мы начинаем ссыхаться?.. Почему превращаемся в таких вот, какими мы нынче стали? — добавил он со вздохом. — Кончаешь жить, так ничего и не поняв, точь-в-точь как этот младенец.

— Здесь нет никакой тайны, одна только воля Божья, — заметил Урбен де Ла Моннери. — А когда становишься стариком, как мы с вами... Ну что ж! Начинаешь походить на старого оленя, у которого притупляются рога... Да, с каждым годом рога у него становятся короче.

Ноэль Шудлер вытянул свой огромный указательный палец и пощекотал ручку младенца.

И тотчас над колыбелью склонились четыре старика; из высоких туго накрахмаленных глянцевиных воротничков выступали их морщинистые шеи, на отечных лицах выделялись лишенные ресниц багровые веки, лбы, усеянные темными пятнами, пористые носы; уши оттопыривались, редкие пряди волос пожелтели и топорщились. Обдавая колыбель хриплым свистящим дыханием, отравленным многолетним курением сигар, тяжелым запахом, исходившим от усов, от запломбированных зубов, они пристально следили за

тем, как, прикасаясь к пальцу деда, сжимались и разжимались крошечные пальчики, на которых кожица была тонка, словно пленочка на дольках мандарина.

— Непостижимо, откуда у такого малютки столько силы! — прогудел Ноэль Шудлер.

Четверо мужчин застыли над этой биологической загадкой, над этим едва возникшим существом — отпрыском их крови, их честолюбий и ныне уже угасших страстей.

И под этим живым четырехглавым куполом младенец побагровел и начал слабо стонать.

— Во всяком случае, у него будет все для того, чтобы стать счастливым, если только он сумеет этим воспользоваться, — заявил, выпрямляясь, Ноэль Шудлер.

Гигант отлично знал цену вещам и уже успел подсчитать все, чем обладает ребенок или в один прекрасный день станет обладать, все, что будет к его услугам уже с колыбели: банк, сахарные заводы, большая ежедневная газета, дворянский титул, всемирная известность поэта и его авторские права, замок и земли старого Урбена, другие менее крупные состояния и заранее уготованное ему место в самых разнообразных кругах общества — среди аристократов, финансистов, правительственных чиновников, литераторов.

Зигфрид Шудлер вывел своего сына из состояния задумчивости. Дернув его за рукав, он громко прошептал:

— Как его назвали?

— Жан Ноэль, в честь обоих дедов.

С высоты своего роста Ноэль еще раз бросил цепкий взгляд темных глаз на одного из самых богатых младенцев Парижа и горделиво повторил, теперь уже для самого себя:

— Жан Ноэль Шудлер.

С городской окраины донесся вой сирены. Все разом подняли головы, и только старый барон услышал лишь второй сигнал, прозвучавший более громко.

Шли первые недели 1916 года. Время от времени по вечерам «Цеппелин» появлялся над столицей, которая встречала его испуганным ревом, после чего погружалась во тьму. В миллионах окон исчезал свет. Огромный немецкий дирижабль медленно проплывал над потухшей громадой города, сбрасывал в тесный лабиринт улиц несколько бомб и улетал.

— Прошлой ночью в Вожираре попало в жилой дом. Говорят, погибло четыре человека, среди них три женщины, — проговорил Жан де Ла Моннери, нарушив воцарившееся молчание.

В комнате наступила напряженная тишина. Прошло несколько мгновений. С улицы не доносилось ни звука, только слышно было, как неподалеку проехал фиакр.

Зигфрид снова сделал знак сыну, и тот помог ему надеть пальто, подбитое мехом; затем старик опять уселся.

Чтобы поддержать беседу, баронесса Шудлер сказала:

— Один из этих ужасных снарядов упал на трамвайный путь. Рельс изогнулся в воздухе и убил какого-то несчастного, стоявшего на тротуаре.

Неподвижно сидевший Ноэль Шудлер нахмурил брови.

Поблизости вновь протяжно завывла сирена, господа де Ла Моннери манерно прижала указательные пальцы к ушам и не отнимала их, пока не восстановилась тишина.

В коридоре послышались шаги, дверь распахнулась, и в палату вошла сиделка. Это была рослая, уже пожилая женщина с поблекшим лицом и резкими жестами.

Она зажгла свечу на ночном столике, проверила, хорошо ли задернуты занавески на окнах, потушила лампу над изголовьем.

— Не угодно ли вам, господа, спуститься в убежище? — спросила сиделка. — Оно находится здесь же, в здании. Больную нельзя еще трогать с места, врач не разрешил. Быть может, завтра...

Она вынула младенца из колыбели, завернула его в одеяло.

— Неужели я останусь одна на всем этаже? — спросила роженица слабым голосом.

Сиделка ответила не сразу:

— Полноте, вы должны быть спокойны и благо-разумны.

— Положите ребенка вот здесь, рядом со мной, — проговорила молодая мать, поворачиваясь спиной к окну.

В ответ на это сиделка лишь прошептала: «Тише!» — и удалилась, унося младенца.

Сквозь открытую дверь роженица успела разглядеть в синеватом сумраке коридора тележки, в которых катили больных. Прошло еще несколько мгновений.

— Ноэль, я думаю, вам лучше спуститься в убежище. Не забывайте, у вас слабое сердце, — проговорила баронесса Шудлер, понижая голос и стараясь казаться спокойной.

— О, мне это ни к чему, — ответил Ноэль Шудлер. — Разве только из-за отца.

Что касается старика Зигфрида, то он даже и не старался подыскать какое-нибудь оправдание, а сразу поднялся с места и с явным нетерпением ждал, когда же его проводят в убежище.

— Ноэль не в состоянии оставаться в комнате во время воздушных тревог, — прошептала баронесса госпоже де Ла Моннери. — В такие минуты у него начинается сердечный приступ.

Члены семьи де Ла Моннери не без презрения наблюдали за тем, как суетятся Шудлеры. Испытывать страх еще можно, но показывать, что боишься, просто непозволительно!

Госпожа де Ла Моннери вынула из сумочки маленькие круглые часики.

— Жан, нам пора идти, если мы не хотим опоздать в Оперу, — проговорила она, выделяя слово «Опера» и подчеркивая этим, что появление дирижабля не может ничего изменить в их вечерних планах.

— Вы совершенно правы, Жюльетта, — ответил поэт.

Он застегнул пальто, глубоко вздохнул и, словно набравшись смелости, небрежно прибавил:

— Мне еще нужно заехать в клуб. Я отвезу вас в театр, а потом уеду и возвращусь ко второму акту.

— Не беспокойтесь, мой друг, не беспокойтесь, — ответила госпожа де Ла Моннери язвительным тоном, — ваш брат составит мне компанию.

Она наклонилась к дочери.

— Спасибо, что приехали, мама, — машинально проговорила роженица, ощутив на своем лбу торопливый поцелуй.

Затем к кровати подошла баронесса Шудлер. Она почувствовала, как рука молодой женщины сжала, почти стиснула ее руку; на мгновение она заколебалась, но затем решила: «В конце концов, Жаклина мне всего лишь невестка. Раз уж уходит ее мать...»

Рука больной разжалась.

— Этот Вильгельм Второй настоящий варвар, — пролепетала баронесса, пытаясь скрыть смущение.

И посетители поспешно направились к выходу: одних гнала тревога, другие торопились в театр или на тайное свидание; впереди шли женщины, поправляя булавки на шляпах, за ними, соблюдая старшинство, следовали мужчины. Затем дверь захлопнулась, наступила тишина.

Жаклина устремила взор на смутно белевшую пустую колыбель, потом перевела его на слабо освещенную ночником фотографию: она изображала молодого

го драгунского офицера с высоко поднятой головой. В углу рамки была прикреплена другая, маленькая фотография того же офицера — в кожаном пальто и в забрызганных грязью сапогах.

— Франсуа... — едва слышно прошептала молодая женщина. — Франсуа... Господи, сделай так, чтобы с ним ничего не случилось!

Глядя широко раскрытыми глазами в полумрак, Жаклина вся превратилась в слух; тишину нарушало лишь ее прерывистое дыхание.

Внезапно она различила далекий гул мотора, доносившийся откуда-то с большой высоты, затем послышался глухой взрыв, от которого задрожали стекла, и снова гул — на этот раз ближе.

Женщина вцепилась руками в край простыни и натянула ее до самого подбородка.

В это мгновение дверь открылась, в нее просунулась голова с венчиком белых волос, и тень разъяренной птицы — тень Урбена де Ла Моннери заметалась на стене.

Старик замедлил шаги, потом, подойдя к кровати, опустился на стул, на котором несколько минут назад восседала его невестка, и ворчливо сказал:

— Меня никогда не занимала опера. Лучше уж я посижу здесь, с тобой... Но что за нелепая мысль рожать в таком месте!

Дирижабль приближался, теперь он пролетал прямо над клиникой.

Глава первая СМЕРТЬ ПОЭТА

1

Воздух был сухой, холодный, ломкий, как хрусталь. Париж отбрасывал огромное розовое зарево на усеянное звездами и все же темное декабрьское небо. Миллионы ламп, тысячи газовых фонарей, сверкающие витрины, световые рекламы, бегущие вдоль крыш, автомобильные фары, бороздившие улицы, залитые светом театральные подъезды, слуховые оконца нищенских мансард и огромные окна парламента, где шли поздние заседания, ателье художников, стеклянные крыши заводов, фонари ночных сторожей — все эти огни, отраженные поверхностью водоемов, мрамором колонн, зеркалами, драгоценными кольцами и накрахмаленными манишками, все эти огни, эти полосы света, эти лучи, сливаясь, создавали над столицей сияющий купол.

Мировая война окончилась два года назад, и Париж, блестящий Париж, вновь вознесся в центре земной планеты. Никогда еще, быть может, поток дел и идей не был столь стремительным, никогда еще деньги, роскошь, творения искусства, книги, изысканные кушанья, вина, речи ораторов, украшения, всякого рода химеры не были в такой чести, как тогда — в конце 1920 года. Доктринеры со всех концов света изрекали истины и сыпали парадоксами в бесчисленных кафе на левом берегу Сены, в окружении восторженных бездельников, эстетов, убежденных ниспроверга-

телей и случайных бунтовщиков — они каждую ночь устраивали торжище мысли, самое грандиозное, самое удивительное из всех, какие только знала мировая история! Дипломаты и министры, прибывшие из различных государств — республик и монархий, — сталкивались на приемах в пышных особняках неподалеку от Булонского леса. Только что созданная Лига Наций избрала местом своей первой ассамблеи Часовой зал и отсюда возвестила человечеству начало новой эры — эры счастья.

Женщины укоротили платья и стали коротко подстригать волосы. Возведенный еще при Луи Филиппе пояс укреплений — поросшие травой валы и каменные бастионы, — в котором Париж чувствовал себя удобно целых восемьдесят лет, это излюбленное место воскресных игр уличных мальчишек, внезапно показался тесным, старинные форты сносились с лица земли, рвы засыпались, и город раздался во все стороны, заполняя огороды и жиденькие садики высокими зданиями из кирпича и бетона, поглощая старинные часовни бывших пригородов. После победы Республика избрала своим президентом одного из наиболее элегантных людей Франции; через несколько недель он стал жертвой безумия¹.

Больше чем когда-либо олицетворением Парижа в те годы считалось общество, верховным законом которого был успех; двадцать тысяч человек захватили и держали в своих руках власть и богатство, господство над красотой и талантами, но положение и этих баловней судьбы оставалось неустойчивым. Пожалуй, их можно было сравнить с жемчугом, который тогда особенно вошел в моду и мог служить их символом: встречались среди них настоящие и поддельные, отшлифо-

¹ Речь идет о Поле Дешанеле, который был президентом Франции в 1920 году.

ванные и не тронутые резцом; нередко приходилось наблюдать, как в несколько месяцев меркла слава самого блестящего человека, а ценность другого перла возрастала с каждым днем. Но никто из двадцати тысяч не мог похвалиться постоянным, ярким, слепящим сиянием — этим подлинным свойством драгоценного камня, все они поблескивали тем тусклым, словно неживым, светом, каким мерцают жемчужины в глубинах моря.

Их окружали два миллиона других человеческих существ. Эти, видно, не родились на путях удачи либо не сумели добиться успеха или даже не пытались его достичь. Как и во все времена, они делали скрипки, одевали актрис, изготавливали рамы для картин, написанных другими, расстилали ковры, по которым ступали белые туфельки знатных невест. Те, кому не повезло, были обречены на труд и безвестность.

Но никто не мог бы сказать, двадцать ли тысяч направляли труд двух миллионов и обращали его себе на пользу, или же два миллиона, движимые потребностью действовать, торговать, восхищаться, ощущать себя причастными к славе, увенчивали избранных диадемой.

Толпа, ожидающая пять часов кряду, когда же наконец проедет королевская карета, испытывает больше радости, чем монарх, приветствующий из экипажа эту толпу...

И все же люди уходящего поколения, те, к кому старость пришла в годы войны, находили, что Париж клонится к закату вместе с ними. Они оплакивали гибель истинной учтивости и французского склада ума — этого наследия восемнадцатого века, которое, по их словам, они сохранили в неприкосновенности. Они забывали, что отцы их и деды в свое время говорили то же самое, забывали также и то, что сами прибавили многие правила к кодексу учтивости и обрели «разум» — в том смысле, в каком они теперь употребляли

это слово, — лишь под старость. Моды казались им слишком утрированными, нравы — слишком вольными: то, что во времена их юности почиталось пороком, то, что они всегда либо отвергали, или уж, во всяком случае, скрывали — гомосексуализм, наркотики, изощренный и даже извращенный эротизм, — все это молодежь выставляла теперь напоказ, словно вполне дозволенные забавы; поэтому, сурово порицая современные нравы, старики не могли избавиться от некоторой доли зависти. Новейшие произведения искусства они считали недостойными этого высокого имени, новомодные теории представлялись им выражением варварства. С таким же пренебрежением относились они и к спорту. Зато с явным интересом отмечали они прогресс науки и то с любопытством и наивной гордостью, то с раздражением наблюдали, как техника все больше заполняла их материальный мир. Однако вся эта суэта, утверждали они, убивает радость, и, сожалея об исчезновении привычных им, более спокойных форм цивилизации, они уверяли, окидывая взглядом окружающую жизнь, что весь этот фейерверк долго не продлится и ни к чему хорошему не приведет.

Можно было сколько угодно пожимать плечами, но их мнение было не только извечным брюзжанием стариков: между обществом 1910 года и обществом 1920 года легла более глубокая, более непроходимая пропасть, нежели между обществом 1820 года и обществом 1910 года. С Парижем произошло то, что происходит с людьми, о которых говорят: «Он в одну неделю постарел на десять лет». За четыре года войны Франция состарилась на целый век; возможно, то был последний век великой цивилизации, вот почему ненасытная жажда жизни, отличавшая в те годы Париж, напоминала лихорадочное возбуждение чахоточного.

Общество может быть счастливым, хотя в недрах его уже таятся симптомы разрушения: роковая развязка наступает позднее.

Точно так же общество может казаться счастливым, хотя многие его члены страдают.

Молодые люди возлагали на старшее поколение ответственность за все уже возникшие или еще только надвигавшиеся беды, за трудности нынешнего дня, за смутные угрозы грядущего. Старики, некогда входившие в число двадцати тысяч или еще остававшиеся в числе этих избранных, слышали, как им предъявляют обвинения в преступлениях, в которых, по их мнению, они вовсе не были повинны: их упрекали в эгоизме, в трусости, в непонятливости, в легкомыслии, в воинственности. Впрочем, и сами обвинители не выказывали большого великодушия, верности убеждениям, уравновешенности. Но когда старики отмечали это, молодые вопили: «Ведь вы сами сделали нас такими!»

И каждый человек, словно не замечая сияния, исходившего от Парижа, следовал по узкому туннелю собственной жизни; он напоминал прохожего, который, видя перед собой лишь темную полосу тротуара, не обращает внимания на гигантский ослепительный купол, раскинувшийся над ним и освещающий окрестность на несколько миль вокруг.

2

Задыхаясь, с трудом перемещая свою огромную тушу, мамаша Лашом поднялась по лестнице метро и застыла посреди вокзальной площади.

— Да ты потише, Симон, — прохрипела она. — Мне за тобой не угнаться. Тебе, понятно, не терпится меня спроводить... Но ты все-таки не забывай, у меня ноги-то опухли.

От холода щеки у нее покрылись красными пятнами. Глаза были скрыты набухшими веками, из-под уса-той верхней губы вырывались клубы молочно-белого пара и медленно расплывались в морозном воздухе.

Симон поставил чемодан на асфальт и протер очки.

Вокруг них носильщики в синих халатах катили груженные тележки, суетливые пассажиры, кутаясь в пальто, переговаривались, подзывали такси. Автомобили в три ряда стояли вдоль тротуара, и свет, падавший сквозь стеклянный навес вокзала, играл на их никелированных частях.

— Вот, дожила до старости, — продолжала мама-ша Лашом, — и в первый раз попала в Париж. А только уж больше не приеду сюда до самой смерти. Замучилась! Везде лестницы: у тебя лестница, в гостинице лестница, в метро лестница — везде... Бедные мои ноги!

Она возвышалась, как гора, равнодушно взирая на окружавшую ее вокзальную суматоху. Была вся в черном. Черное платье, ниспадавшее до пят, и почти такое же длинное черное пальто облекали громадное бесформенное тело; на плечах — черный платок. Даже серьги в ушах были черные — из черного дерева. Голову этого монумента украшала плоская шляпа, напоминавшая маленький венок из черного бисера, какие иногда возлагают на гроб.

Какой-то малыш, которого мать тащила за руку, с изумлением уставился на эту огромную старуху, зацепился ногой за ее чемодан, получил подзатыльник и заревел.

— Пора идти, мать, — проговорил Симон, едва сдерживая раздражение. — Приготовь билет.

Узкоплечий Симон ростом был ниже матери; его курносое лицо скрашивал очень высокий лоб.

Старуха наконец сдвинулась с места, заколыхалась ее грудь, заколыхались бедра.

— Если бы твоя жена захотела, — проговорила она, — я могла бы остановиться у вас. Не было бы лишних расходов и не так бы я уставала.

— Но ведь ты сама видела, какая у нас теснота, — ответил Симон Лашом. — Где, по-твоему...

— Ну, понятно, понятно... А только ты меня не разубедишь. Да уж все равно отцу скажу, что ты счастлив и живешь хорошо... О твоей жене упоминать не стану... По правде сказать, не люблю я твою жену.

Симону хотелось крикнуть: «Да я и сам не люблю ее, даже не знаю, почему я на ней женился!...» Толпа со всех сторон стискивала его, тесно прижимала к матери. Старуха заняла весь проход, где стоял контролер; приподняв подол платья, она неторопливо рылась в кармане нижней юбки, отыскивая билет. Даже ее «воскресный» наряд сохранил запах навоза и прокисшего молока. Симон невольно отодвинулся.

Наконец они вышли на перрон. Паровоз пассажирского поезда тяжело пыхтел, пар из трубы стлался над асфальтом. Окутанная этим теплым белым туманом, мамаша Лашом снова остановилась и сказала:

— И все-таки обидно! Сколько мы жертв ради тебя принесли. Неужели ты не чувствуешь себя счастливым?

— Я вам сто раз говорил, что вы не шли ради меня ни на какие жертвы! — вспыхнул Симон. — Учился я на грошовую стипендию и чуть не подыхал с голоду. Ведь вы за всю мою жизнь не дали мне ни одного су... Впрочем, нет: когда я уходил на военную службу, отец с важным видом вручил мне пятифранковую монету... И это все... Даже во время войны ты ни разу не прислала мне посылку...

— А как знать-то было наверняка, дойдет ли посылка? Тебя ведь могли убить, что тогда? Пропадай, значит, посылка?

Симон покачал лобастой головой. Гнев его стихал, натываясь на эту вязкую, непроницаемую, извечную преграду. Стоит ли говорить? Запах смазочного масла, дыма и саж, вырывавшейся из паровозной трубы, еще более ощутимый запах прокисшего молока, тяжесть чехомодана, топот спешивших людей, вид этой старухи,

Дрюон М.

Д 78 **Сильные мира сего : роман / Морис Дрюон ; пер. с фр. Я. Лесюка, М. Кавтарадзе, Ю. Уварова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 416 с. — (Азбука-классика).**

ISBN 978-5-389-09291-4

Мориса Дрюона читающая публика знает прежде всего по саге «Проклятые короли», открывшей мрачные тайны Средневековья, и книге «Сильные мира сего», рассказывающей о закулисах современного общества, о закате династии финансистов и промышленников. Этот роман-трилогия наиболее значительное произведение Дрюона.

Эти люди, жившие во Франции в начале XX века, могли похвастаться родственными связями с французской знатью. Их состояние исчислялось миллионами франков. Их дети были самыми богатыми наследниками в Париже. Почему же не было мира в этой семье? Чего не хватало для счастья сильным мира сего?

Роман «Сильные мира сего» был экранизирован. Главную роль в фильме гениально сыграл Жан Габен. Лента вошла в золотой фонд мирового кинематографа.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

МОРИС ДРЮОН
СИЛЬНЫЕ МИРА СЕГО

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Татьяна Бородулина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.06.2021.

Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в ПАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-VAK-17312-03-R